

Е.В. Крикливец

Мифологическое пространство-время в повестях В. Астафьева и В. Козько: топос дороги

В пространственно-временной организации повестей В. Астафьева и В. Козько можно выделить мифологическое пространство-время. Оно образовано ассоциациями, аллюзиями, реминисценциями, использованием сюжетов и образов языческой и христианской мифологии. Мифологическое пространство-время позволяет авторам в бытовом увидеть бытийное, что порождает универсальность и семантическую многоплановость произведений.

В мифологическом пространстве-времени особую роль играет *топос дороги*. Образ пути, дороги – это универсалия мировой культуры. В мифопоэтическом представлении о пространстве-времени сакральный центр и путь оказываются его основными элементами. Образ *дороги* присутствует в различных жанрах фольклора, в произведениях литературы, живописи и музыки. Совокупность понятий, образов, символов, связанных с идеей странствия, дороги, образуют мифологему пути, присутствующую в национальном сознании.

Цель работы – выявить особенности функционирования топоса дороги в мифологическом пространстве-времени повестей В. Астафьева и В. Козько.

Материал и методы. В повестях В. Астафьева «Царь-рыба», «Последний поклон» и В. Козько «Суд у Слабадзе», «Цвіце на Палессі груша» *дорога* представляет собой *горизонтальное перемещение героя* (связанное с изменением его положения во внешнем мире) и *вертикальное перемещение героя* (совершаемое не самим героем в физическом смысле, а его душой, связанное с идеей развития/деградации личности).

Горизонтальное перемещение героев обусловлено взаимосвязью топоса дороги с топосом дома, поскольку именно дом в мифологическом представлении славян является сакральным центром «своего», обжитого, безопасного пространства. В работе «Пространство и текст» В.Н. Топоров выделил две ключевые модели движения героя в мифологическом пространстве: «путь к сакральному центру... и путь к чужой и страшной периферии» [1]. Эти модели представлены в повестях В. Астафьева и В. Козько как движение героев *из дома в мир* и *дорога из мира в дом (поиск дома)*. Поскольку *топос дороги* отличается пространственно-временным синкретизмом, перемещение героев происходит как в пространстве, так и во времени.

Результаты и их обсуждение. В «Последнем поклоне» и «Царь-рыбе» В. Астафьева реализуется первая модель движения. Витя Потылицын с новой семьей отца перемещается из дома бабушки, Катерины Петровны, в незнакомый мальчику мир (поселок Игарку), приобретающий семантику антимира. В мифологической традиции центр сакрального пространства отмечается алтарем, храмом, крестом, мировым деревом и т.п. [2]. В «Последнем поклоне» Астафьева символом покинутого дома становится крест на могиле матери Вити (глава «Бурундук на кресте»). Кроме того, здесь прослеживается фольклорно-мифологический принцип отправки героя в путь не по своей воле и преодоления препятствий на пути (путешествия сказочных героев за жар-

птицей, царевной, живой водой, молодильными яблоками и т.п.). Герой, проделавший этот нелегкий путь, повышает свой социально-мифологический или сакральный статус. С этой точки зрения пространство Игарки, враждебное Вите, полное опасностей, может быть осмыслено как пространство инициации, проверки сил и жизненной стойкости героя.

Из мира Витя пытается вернуться в дом, однако его возвращение в Овсянку в третьей книге «Последнего поклона» представляет собой перемещение только в пространстве, но не во времени, при этом дом, в который мечтает вернуться герой, остался в прошлом, в воспоминаниях о детстве. Эти воспоминания и не позволили Вите сломаться в период испытаний. Более того, скитания, жизнь в детском доме, война сделали героя сильнее, помогли ему прийти к пониманию и принятию окружающего мира, к чувству ответственности за близких людей и за мир в целом. То есть итогом проделанного пути явилось духовное становление героя, формирование его личности.

Герой «Царь-рыбы» Аким также проходит *путь из дома в мир*. Выросший в семье касьяшек, он с детства усвоил модель гармоничных взаимоотношений с людьми и природой и изначально был готов к восприятию мира во всем его многообразии. В испытаниях, выпавших на его долю (глава «Сон о белых горах» и др.), Аким проявляет лучшие человеческие качества, демонстрирует силу и цельность своей натуры.

В повестях В. Козько представлена модель движения *из мира в дом*, от периферии к сакральному центру. Путь Яўмена («Цвіце на Палессі груша») представляет собой преодоление бездомности. В связи с физическим недугом (Яўмен глухонемой) он отчужден от мира людей. Яўмен чувствует себя чужим в родительской семье, в родной деревне (герой большую часть времени проводит в лесу), в городе (не складываются семейные отношения с Ольгой). Отсутствие гармонии с окружающим миром заставляет Яўмена совершать ошибки. Только в конце повести герой «причащается тайн бытия», приходит к осознанию жизни как высшей ценности, к пониманию смысла жизни. Вместе с этим появляется и надежда на обретение дома [3]. Символом дома в повести Козько становится груша, воплощающая архетип мирового дерева.

Если для Яўмена *дорога к дому* есть движение в будущее, то для Кольки Лецечки («Суд у Слабадзе») *дорога к дому* – это движение в прошлое. Герой хочет найти внутренний дом. Сакральный центр, к которому он стремится, – это дом памяти. Обряд инициации героя – его воспоминания о военном прошлом. Только вспомнив, осознав и мысленно повторив все, случившееся с ним во время войны, Лецечка обретает связь с родными корнями, получает возможность почувствовать себя полноценной личностью, частью своего народа.

Выбор противоположных моделей движения, по всей вероятности, связан с национально-ментальными особенностями писателей. Для белорусской ментальности основополагающей является центростремительная модель движения: к дому, к корням, к малой родине. Модель перемещения героя от периферии к сакральному центру широко распространена во многих жанрах белорусского фольклора, имплицитно содержится в произведениях художественной литературы. Заметную роль в жизни русского этноса всегда играл процесс передвижения, расселения и освоения новых пространств, поэтому русское мифологическое сознание отдает предпочтение второму варианту пути – от центра (дома) к периферии. Не случайно в произведениях Астафьева перемещение героев осуществляется по центробежной модели.

Дорога как движение по вертикали – это путь духовного развития героя. В христианской традиции он понимается как тернистый путь страданий во имя постижения вечных истин, обусловленный необходимостью спасения души. Через одиночество, разобщенность с людьми, неудачную семейную

жизнь приходит Яўмен к пониманию законов бытия, к надежде обрести дом. Следует отметить, что нравственное восхождение героев связано у Козько с идеей христианского Бога или с языческим архетипом солнца. Символика этого образа в повести Козько детально прослежена в монографии Г.М. Друк «У храме Слова» [4].

Колька Лецечка совершает путешествие в свое страшное прошлое для того, чтобы сказать на суде одно слово «Было!», вынести свой приговор преступлениям фашизма, обрести право называться человеком. К этой цели герой идет неосознанно, как бы ведомый высшей силой: «Была над ім у тую хвіліну вышэйшая сіла і гучаў яе голас: застацца, выседзец, прайсці праз усё дарэштты – добрае, мярзотнае, але пакратаць сваімі рукамі, пачуць усё сваімі вушамі» [3, с. 105]. *Дорога* Лецечки в суд – своего рода путь на Голгофу. Ценой своей жизни герой должен оправдать живых перед мертвыми: «Невялікая дарога ад дзетдома да гэтага месца. Ды яму яна амаль што ўжо не пад сілу. Але ён усё роўна двойчы на дзень ідзе і ідзе... Вялікая справа яму даручана. Кім? А ён і сам не ведае – кім: бацькам, маці ці тымі забітымі, рускімі, беларусамі, яўрэямі, яго равеснікамі, дзецямі, якіх спалілі, расстралялі, закапалі жывымі ў зямлі, утапілі ў калодзежах... Ім ён павінен панесці з гэтага свету праўду аб жывых, як жывыя разлічваюцца за іх пакуты і смерць» [3, с. 143–144].

Вместе с тем образ Лецечки осмысливается и через культовый для белорусов образ солнца. Ритуал «каравулення сонца» для мальчика не просто попытка избежать смерти. Этот ритуал позволяет Лецечке почувствовать, что «нібыта ён сам дапамог узняцца на неба сонцу... і дапамагае яму разарэцца і добра ўгрэць зямлю» [3, с. 15]. Каждое утро герой словно участвует в акте космогонии, ощущает себя ответственным за жизнь на земле. Не случайно слова Кольки перед смертью носят характер нравственного завещания: «Беражыце, людзі, сонца» [3, с. 179]. Достижение высших духовных ценностей для героев Козько возможно.

Дорога – крестный путь и для героев Астафьева: «...Словом, надо нести свой крест, тем паче крест мой не такой тяжкий, как у людей семейных, пожилых» [5]. Цель этого пути – обретение справедливости, воплощение мечты о счастье: «Я ж не терял веры, даже там, на краю гибели, в тундре. Я стремлюсь к справедливости, и Бог мне помогает» [5, с. 126]. Однако даже ценой страданий герои Астафьева этой цели не достигают: «Начальник караула и запыхавшиеся стрелки подбежали к обрыву карьера и услышали: «Да здравствует товарищ Сталин!» – и следом хрясткий от мороза, одинокий, без эха, выстрел» [5, с. 129]; «И приснились ему белые горы. Будто шел он к ним, шел и никак не мог дойти» [5, с. 372]. Недоступность для человека идеалов добра и справедливости ни в настоящем, ни в будущем объясняется ориентированностью автора-повествователя в прошлое, где он находит образцы духовности и оплоты нравственности.

Топос дороги аккумулирует размышления авторов о пути эволюции или деградации личности. *Перемещение по вертикали* может семантизировать не только восхождение, но и нравственное падение героя. Для Вити Потылицына, Акима, Яўмена, Кольки Лецечки – это нелегкий путь становления, формирования характера, обретения духовных ориентиров. Для браконьеров из «Царь-рыбы» и полицаев из повести «Суд у Слабадзе» – это путь преступления законов природных и человеческих, путь предательства, самоуничтожения личности: «...няма і не можа быць указальнікаў на шляху здрады. Ды як жа ўсё-ткі яно адбываецца-вяршыцца, як прыходзяць да яе, што за крывулістая такая дарога вядзе да яе?» [3, с. 157].

Путь духовной эволюции/деградации героев в повестях В. Астафьева и В. Козько соотносится с библейским мотивом праведного/неправедного пути.

В Библии много раз говорится о пути Господа, жизни, мудрости, праведности, при этом упоминается и о другом пути – греха, лжи, зла, беззакония. Этому пути следует избегать, ибо говорит Господь: «Я буду судить вас, дом Израилев, каждого по пути его...» (Иезекииль XVIII:30). Тема Суда звучит в повести В. Козько «Суд у Слабадзе». Идея наказания здесь воплощена в образе земного правосудия, однако автор широко использует библейскую символику. По Евангелию, одна из главных характеристик Страшного Суда заключается в том, что «мертвые будут судить живых», то есть самый страшный суд для человека – суд за его беспамятство.

В этом ракурсе одним из аспектов праведного пути является попытка самопознания личности – *дорога героев к себе*, к своим корням, своему прошлому. Именно в прошлом Лецечка стремится найти ответ на вопрос: «Адкуль я ёсць і пайшоў?» [3, с. 28]. Дорога мальчика к себе – это мучительный переход из вымышленного мира в мир правды, какой бы горькой она ни была. В прошлом остались у Яўмена семья и любовь, туда он постоянно мысленно возвращается. В прошлом остался дом детства Акима и Вити Потылицына. Воспоминания о родительском доме дают героям силы преодолеть все трудности взрослой жизни. Сама попытка уйти от прошлого приобретает семантику побега, *дороги от себя*, греховного пути и чревата разрушением личности: «Яўмен так і не наважыўся пайсці з інтэрната на вачах у Вольгі, уцёк ад яе, як злодзей, калі яна была на змене. І з таго дня, здаецца яму, анямеў, страціў голас увесь белы свет, у кожнага жывога як вырвалі язык. І ён, нямы сам, жыве ў знямым свеце, не чуе голасу зямлі, не чуе голасу сваёй грушы» [3, с. 229].

Во многих мифологических традициях (в том числе и в христианской) вертикальная ось пространства четко структурирует объекты, на ней расположенные: нижний мир (ад), где обитают демоны, злые божества, хтонические существа, души грешников; средний мир – мир людей и животных; верхний мир (вирий, рай), обитателями которого являются души праведников, ангелы, высшие божества (включая главного Бога). Следовательно, *дорога как перемещение по вертикали* может актуализировать онтологические черты. Ярко обнаруживает себя оппозиция жизнь–смерть. Дорога выступает как медиатор двух сфер, этого мира и «того». В фольклорно-мифологической традиции смерть понимается как переселение в иной мир, достичь которого можно, преодолев определенный длительный и нелегкий путь. В рассматриваемых произведениях дорога также осмысливается как *последний путь*. И если движение жизни предполагает активное освоение пространства человеком, то «вечная обитель», к которой ведет *последний путь*, воплощает собой статичность, покой.

В повести В. Козько «Суд у Слабадзе» символикой перехода наполнен сон Лецечки. Стена из живых зеленых растений разделяет мир на две части: тьму и свет. Маркером границы между двумя мирами становится пространственный образ двери. Лецечке снится новый дом, построенный для него Захар'ей, в котором он ощущает себя светло и радостно. Однако встретившиеся во сне маленький Лецечка и он же взрослый расходятся, не узнав друг друга. Трагический пафос этого сна уходит своими корнями в народные традиции похоронного обряда. Новый дом – образ, ассоциирующийся со смертью: могилы в древности устраивали в виде дома с деревянными или каменными стенами.

Лишенный здоровья в немецком «киндэрхайме», Лецечка неумолимо приближается к смерти: «...ён ніколі не жыў, а ўвесь час паміраў. Паміраў летам, калі яго равеснікі ад ночы да ночы гойсалі па вуліцах, да крыві разбівалі галовы і ногі. Паміраў, калі ўсе спалі, восенню і зімой, і ў жыццё гэтае ён з'явіўся са смерці – так яму гаварылі дарослыя» [3, с. 15]. Но переселение героя в

иной мир – это уход «по-божьему»: умирает Колька в праздничный, святой с точки зрения и языческих, и христианских традиций день, на Ивана Купалу, с чистой душой, обретая память о прошлом, при особых – мученических – обстоятельствах.

В «Последнем поклоне» В. Астафьева мы наблюдаем кольцевое расположение глав о смерти: первая глава первой книги «Далекая и близкая сказка» и последняя глава третьей книги «Кончина». Смерть Васи-поляка и тетки Агафьи – это также уход в иной мир праведников, мучеников: человека, оторванного от родины, и простой деревенской женщины, вынесшей на своих плечах тяготы военного времени. Горечь утрат, осознание того, что «обратной дороги» нет, заставляют героя ненавидеть смерть во всех ее проявлениях и задуматься о необходимости прожить жизнь в гармонии с окружающим миром, идя прямым путем правды и справедливости.

Заключение. *Топос дороги* играет важную роль в мифологическом пространстве-времени повестей В. Астафьева и В. Козько. *Дорога как путь по горизонтали* воплощает перемещение героя в окружающем мире. В анализируемых повестях можно выделить две ключевые модели движения: *путь от периферии к сакральному центру (из мира в дом)* – представлена в повестях Козько, и *путь из сакрального центра (дома) к периферии* – представлена в повестях Астафьева. Выбор модели движения героя в горизонтальном пространстве отражает национально-ментальные особенности авторов. *Дорога как перемещение по вертикали* отражает духовное восхождение или деградацию героя.

Различные аспекты реализации *топоса дороги* в мифологическом пространстве-времени позволяют выявить функции данного пространства-времени в повестях В. Астафьева и В. Козько: оно помогает выйти за конкретно-исторические рамки, усилить общечеловеческое звучание произведений, наиболее полно раскрыть их философскую проблематику, обогащает идейно-тематический и психологический пласты художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Топоров, В.Н.** Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 262.
2. **Семенова, М.** Мы – славяне!: Популярная энциклопедия / М. Семенова. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – С. 115–130.
3. **Казько, В.А.** Судны дзень / В.А. Казько. – Минск: «Мастацкая літаратура», 1998. – С. 247.
4. **Друк, Г.М.** У храме Слова / Г.М. Друк. – Мазыр: МДПУ, 2005. – С. 62–63.
5. **Астафьев, В.П.** Царь-рыба: Повествование в рассказах / В.П. Астафьев. – М.: «Эксмо», 2007. – С. 106.

S U M M A R Y

Topos of the road plays an important role in the mythological space-time of V. Astafyev's and V. Kozko's novellas. The road as the horizontal way embodies the movement of the hero in the environment. Two main models of movement can be distinguished (in V. Astafyev's novellas «Tsar-fish», «The last bow» and V. Kozko's novellas «The Court in Sloboda», «A Pear-tree is in blossom in Polesye»): from the world to home (V. Kozko) and from home into the world (V. Astafyev). The road as the vertical movement displays the moral ascent or degradation of the hero.

Поступила в редакцию 4.11.2009